

И.А.Мельников

БОРСКИЙ СКИТ НА РЕКЕ ВОЛХОВ И ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ БОГАДЕЛЕННЫЙ ДОМ В МОСКВЕ В XIX ВЕКЕ

Описывается история возникновения и существования старообрядческого скита близ д. Бор Новгородского уезда в XIX в. Возникновение обители связывается с целенаправленной деятельностью Московской Преображенской федосеевской общины по распространению своего влияния в регионах России. Отдельное внимание уделяется связям Борского скита и старообрядцев Москвы. Впервые в качестве материалов по истории скита используются документы Российского государственного архива древних актов.

Ключевые слова: старообрядчество, святые места, иночество, Новгородская губерния, скиты, федосеевцы, Преображенский богаделенный дом

В начале XIX в. в жизни старообрядческих сообществ федосеевского согласия происходят серьезные перемены. Им предшествовало небывалое возвышение общины Преображенского богаделенного дома в Москве и распространение ее влияния на значительное количество региональных общин [1, с. 106-107; 2, с. 418-424]. Столь далеко идущие консолидационные процессы были во многом предопределены не только временным покровительством московских властей Преображенской общине, но и деловыми связями купечества регионов и древней столицы, которые позволяли не только распределять пожертвования, но и сформировать предпринимательскую сеть по сбыту готовой продукции в регионах [3, с. 233-242]. На Преображенской заставе останавливались купцы и отходники из соседних губерний, здесь же учились клирошане и наставники. Кроме того, менее крупные общины получали денежное вспомоществование от своих московских единоверцев взамен на вероисповедную лояльность этому центру федосеевского согласия. Некоторые общины могли выступать связующим звеном при поддержании коммуникации с общинами Санкт-Петербурга и других крупных городов Империи.

В настоящей статье мы рассмотрим существование федосеевского скита близ д. Бор Новгородского уезда в контексте связей его насельников с Преображенской общиной. Основной нашей целью является выявление места Борского скита в коммуникациях между староверами Москвы, Новгородской и Санкт-Петербургской губерний. Для этого необходимо рассмотреть подробности возникновения и существования скита в д. Бор на основе документов. Некоторые из источников — отчет чиновника по особым поручениям Ю.К.Арсеньева и дело о ските в д. Бор, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) — уже неоднократно привлекались исследователями [4, с. 267-270; 5, с. 237-238; 3, с. 99-116]. Однако дальнейшая судьба построек скита, некоторые дополнительные сведения о его связях с Московской Преображенской общиной и ранней историей обители в этих публикациях отмечены не были. Помимо упомянутых материалов, в настоящей статье задействованы дополнительные источники РГИА и ранее не привлекавшиеся исследователями старообрядчества Новгородской губернии источники Российского государственного архива древних актов (РГАДА), раскрывающие обстоятельства существования обители, ее построек и кладбища вплоть до 1873 г.

В 1809 г. староверам была отведена земля под кладбище близ д. Бор по ходатайству ямщика Спасской Полисти Якова Романова Боровского. Деревня располагалась между р. Волхов и Московским трактом, в 46 верстах от Новгорода. Яков Романов стал первоначальным строителем моленной и ограды вокруг кладбища [6, л. 158 об.-159, 165, 166]. К 1816 г. поблизости им была выстроена «огромная» двухэтажная моленная, находившаяся в частной собственности Боровского, а наставником при ней был его сын, Игнатий Яковлев, который крестил и перекрещивал в «раскол» [7, л. 1]. Уже в это время комплекс построек и кладбища стал выполнять функцию монастыря: если верить полицейским чиновникам, в 1809 г. здесь проживало до 10 мужчин и 50 женщин [6, л. 18 об.]. После смерти ямщика Боровского постройки скита перешли в собственность его детей Игнатия и Марии Яковлевых.

На протяжении всего времени существования скит вызывал недовольство церкви и полиции, так как не только являлся важным центром старообрядчества Новгородского уезда, но располагался в 6 верстах от штаба Гродненского гусарского полка. Окончательно судьбу обители решил визит чиновника по особым поручениям МВД Ю.К.Арсеньева, радевшего об «искоренении раскола» в Новгородской губернии в 1850-е гг. Он же составил описание устройства монастыря, а также его план (рис.).

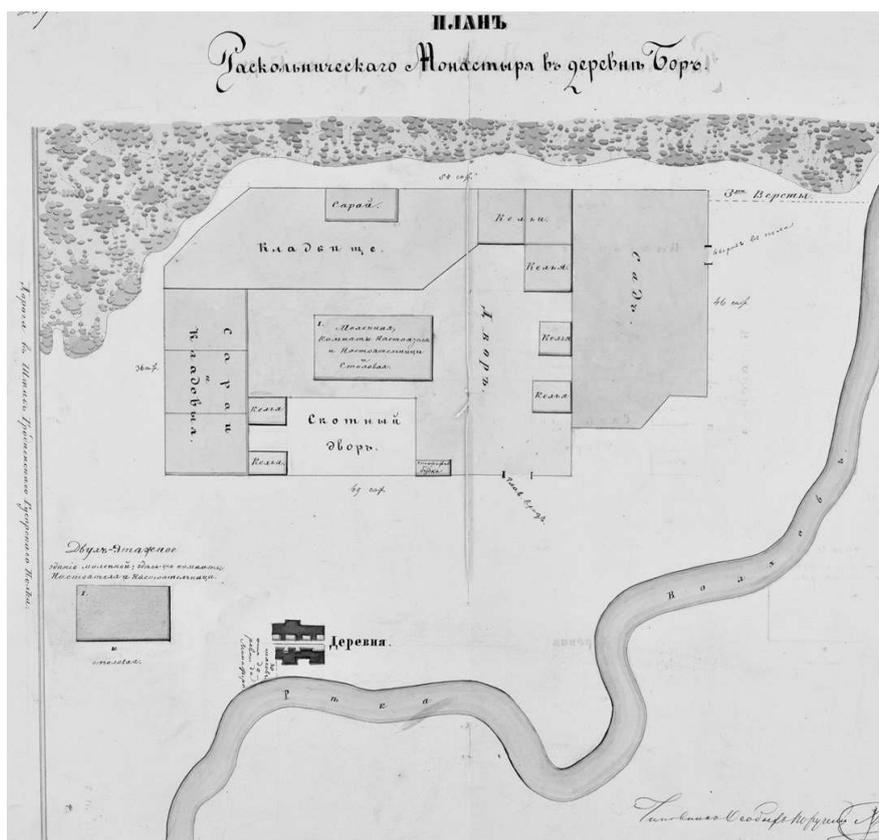

Рис. План раскольничьескаго монастыря в д. Бор [8, л. 257].

Скит был построен в пустынной местности и занимал от 5 до 6 десятин земли. Обитель окружала высокая деревянная ограда, выкрашенная черной краской. Над воротами был врезан большой медный восьмиконечный крест. Внутри вдоль забора располагались «хорошо выстроенные» кельи, посредине — большое трехэтажное здание молельной. В нижнем этаже молельной были обустроены покои, кухня, кладовая и столовая. Молитвенное пространство было устроено этажом выше и в «два света». Внутри стоял «прекрасный» резной иконостас в четыре яруса с древними иконами, образа размещались также в простенках. Перед ними были развешены огромные паникадила и лампы с толстыми свечами. Посредине стояли аналои, крытые пеленами, на одном из которых лежало «древнее» Евангелие. Книги также хранились на клиросах. Полы молельной были устланы коврами, что являлось дополнительным свидетельством роскоши [6, л. 2-2 об.]. По отзыву чиновника, «молельная представляет вид совершенного храма; внутренность оной не только чиста и благовидна, но даже роскошна» [6, л. 3]. Любопытно также упоминание неких икон, которые, по слухам, стоили 12 тысяч рублей серебром. Эти иконы, вероятно, были локальной святыней и усиленно почитались — перед ними служили какие-то особые службы [6, л. 3 об.].

Вся жизнь обители была ориентирована на богослужебный устав. По замечанию чиновника Арсеньева, «Живущие в монастыре женщины обязаны носить черную монашескую одежду и вести жизнь самую уединенную и воздержную» [8, л. 211 об.]. Еще более красноречиво свидетельство станового пристава Телешова, по утверждению которого молитва в скиту занимала около 16 часов в сутки. При этом хозяйственные задачи решались с помощью наемных работников, также староверов [6, л. 19 об.]. Помимо скитниц и трудников, в Борском скиту регулярно проживали многочисленные богомольцы, стекавшиеся сюда, особенно в периоды постов из Новгородской, Псковской, Олонецкой и Санкт-Петербургской губерний, а также из северной столицы и Москвы [8, л. 210 об.].

Количество постоянных насельников в описываемый период было от 22 до 30 инокинь [4, с. 268]. Скитоначальницей слыла Мария Яковлева (Мария Боровская) — дочь основателя скита, которая характеризовалась чиновником как «умная, осторожная, но в высшей степени проникнутая религиозным фанатизмом» [6, л. 3]. Наставником обители был псковский мещанин Григорий Петров, а попечителем — тосненский купец Алексей Корчагин, две дочери которого проживали здесь же.

Примечательно, что все руководители скита были связаны друг с другом не только личными и конфессиональными, но и хозяйственными связями. Григорий Петров на допросе показал, что до перехода в скит работал у ямщика Игнатия Яковлева. После его смерти купец Корчагин выкупил его долю у наследников и стал с Марией (Боровской) совладельцем построек обители, находившихся в частной собственности [6, л. 93-95 об.]. Сам же Корчагин распоряжался деньгами скита, о хозяйственной жизни которого стоит рассказать отдельно.

Доходы монастыря в д. Бор складывались из нескольких составляющих. Во-первых, это подаяния и вклады московских и петербургских купцов, за которыми по нескольку раз в год ездил наставник Григорий Петров [6, л. 3 об.-4]. Не менее важной статьёй дохода были заказы на погребения и поминальные службы, а также средства, полученные по завещанию «на помин души». Наконец, доход немногим более 260—360 рублей в год давал сад, пчеловодство и огороды. Кроме того, в скиту имелся свой скотный двор с 7 дойными коровами и курами. В-целом, доходов хватало, чтобы покрыть расходы обители, которые оценивались полицейскими чиновниками примерно в 1000 рублей в год [6, л. 19]. Расходы, по неоднократным замечаниям чиновников, были связаны, в числе прочего, с благотворительностью: «Часть своих доходов и запасов употребляют эти лжеинокини на пособие бедным Православным жителям окрестных деревень, отчего они весьма любимы во всем при-Волховском крае» [6, л. 211 об.].

В 1853 г. власти инициировали закрытие скита. Наставник Григорий Петров был выслан в место, к которому он был приписан, большая часть насельниц перемещена на попечение к родственникам либо в богадельни, а моленная опечатана [9, л. 102-179]. Спустя годы следы влияния попечителей Борской обители обнаружались в скиту на Московской заставе в Санкт-Петербурге — в 1880-е гг. им руководила мать Олимпиада «из рода ямщиков Корчагиных, руководивших расколом в г. Тосне» [10, л. 32 об.].

Несмотря на драматичные события закрытия обители, документы показывают, что жизнь в ней продолжала теплиться вплоть до смерти матери Марии (Боровской). Скитоначальница несколько раз ходатайствовала об открытии моленной, в которой она по-прежнему проживала с двумя женщинами [11, л. 1-4 об.]. По свидетельству священников и чиновников, в запечатанной моленной продолжали совершаться богослужения, скит посещали крестьяне из Новгородской и Санкт-Петербургской губерний. Особенным почитанием борских староверов пользовался праздник Ильи пророка. В 1857 г. Мария (Боровская) умерла, в связи с чем расследование ее деятельности по незаконному возобновлению моленной было остановлено, а в 1864 г. проживавшие в скиту женщины разсланы по местам, к которым они были приписаны [11, л. 119-118 об.]. Одновременно с этим, в 1860 г. были разобраны остатки иконостаса моленной, а в 1863 г. иконы были переданы в Крестецкую единоверческую церковь [9, л. 44, 317, 331 об.-345]. Эти события окончательно подорвали жизнь обители и любые попытки ее возобновить.

Лишь в 1873 г. крестьянин Иван Пчелкин осмелился ходатайствовать перед властями о возобновлении закрытого кладбища, с основания которого и началась некогда история Борского скита. Из его прошения становятся известны обстоятельства последних лет существования построек разоренной обители. В 1868 г. закрытая моленная была «истреблена пожаром», и спустя пять лет земля под ней поступила в вечное владение Пчелкина. В свою очередь, он ходатайствовал об открытии кладбища от лица крестьян дд. Костылево, Арефино и Ямно, желавших «быть погребенными вблизи могил с своими предками» [12, л. 1-2 об.]. Ни первое, ни повторное прошение не было удовлетворено [12, л. 8]. Более поздние документы не содержат какого-либо упоминания о моленных или скитах в этой местности.

Еще накануне действий по ликвидации Борского монастыря чиновники обращали внимание на его особенно тесные контакты с московскими старообрядцами. Стоит отметить, что нач. XIX в. было временем небывалого подъема Преображенской общины в Москве. Год основания обители в д. Бор ознаменовался Петербургским собором, имевшим важное консолидационное значение для федосеевцев Москвы и Санкт-Петербурга. На соборе 1809 г. присутствовали Илья Ковылин, глава Преображенской общины, а также представители региональных федосеевских обществ. Их совместными усилиями были выработаны общие положения по многим спорным вопросам, которые адаптировали федосеевский «Польский устав» к реалиям нового времени [13, с. 69-81]. В 1800-е гг. переживает расцвет строительство в Преображенском богаделенном доме [14]. Этот же период ознаменовался открытием многочисленных старообрядческих кладбищ и моленных в регионах, в том числе в Новгородской губернии.

К середине XIX в. среди старообрядцев Новгородского уезда, по замечанию Ю.К.Арсеньева, произошло разделение. Часть общин признавала главенство Волковской богадельни в Петербурге, часть — Московской Преображенской общины. К последним относились «раскольники, живущие по р. Волхову», в том числе крестьяне и скитники д. Бор [8, л. 207-207 об.]. Таким образом, насельницы скита на протяжении всего этого времени были последовательными проводниками влияния Преображенского богаделенного дома. Связь с Москвой поддерживалось поездками руководителей общины в Москву, а также их обширной перепиской.

Наиболее ярко тесные связи с Первопрестольной проявились в период закрытия обители, которое было частью общей антистарообрядческой политики того времени. Частые поездки в Москву наставника скита Григория Петрова попали в поле зрения полиции. В 1853 г., как заметили чиновники, он встречался с видными попечителями Преображенского богаделенного дома, купцами Антоном Бузиным, Стрелковым и Раковым [6, л. 11-11 об.]. В этом же году из Москвы в Петрозаводск был выслан руководитель Преображенки Федор Гучков, а вскоре отправился в ссылку и Антон Бузин [15, с. 172], что также было хорошо известно скитникам.

Сведения о разгроме властями московской общины немало обеспокоили насельников Борской обители. Чиновники свидетельствовали, что попечитель Алексей Корчагин был прекрасно осведомлен о высылке Гучкова. Вероятно, он некоторое время продолжал надеяться, что московский центр устоит. В частности, тосненский купец распространял сведения, что Преображенская богадельня открыта с дозволения начальства и, когда Преображенский полк был в Москве, старообрядческое общество устроило ему обед, на котором присутствовал сам император. По словам Корчагина, за порядок и гостеприимство староверы удостоились

награды [6, л. 34]. Вероятно, желание отвести угрозу подтолкнуло Корчагина напомнить чиновникам на допросах и о своих заслугах. В частности, он был награжден Петербургским губернатором за «человеколюбивые подвиги» и «излечение холерных людей в 1848 и 49 годах» [6, л. 80]. Очевидно, попечитель Борского скита понимал, что от судьбы Преображенской общины в Москве во многом зависит и судьба обители на берегах Волхова. Однако демонстрация лояльности и заслуг не помогла ни московским, ни борским староверам.

Связи с московским купечеством косвенно прослеживаются спустя годы после официального закрытия моленной Борской обители. В 1857 г. упоминавшийся ранее ямщик Иван Пчелкин обвинялся в том, что возил какого-то приезжего мещанина для раздачи подаяния от неизвестного московского купца, имени которого так и не смогли установить [11, л. 6].

Возникновение и существование федосеевского скита близ д. Бор в первой пол. XIX в. можно считать частью своего рода целенаправленной политики упрочения влияния Преображенской общины в регионах. Расположение скита в достаточно выгодном месте делало его важной частью коммуникативной сети старообрядцев Москвы, Петербурга, Новгорода, Пскова и сельских общин. Благодаря обители распространялось учение, принятое в Преображенском богаделенном доме, а также возрастал авторитет московской федосеевской общины, щедро одаривавшей своих единоверцев пожертвованиями. Закрытие Борского скита, в свою очередь, стало следствием планомерной борьбы с «расколом», проводившейся министром внутренних дел Д.Г.Бибиковым.

Нельзя упускать из виду также возможные хозяйственные связи насельников скита и их московских собратьев: Боровские и Корчагины, очевидно, занимались активной торговой деятельностью, скрепленной единством конфессиональной принадлежности. Наконец, достаточно характерной для старообрядцев различных регионов этого периода была форма организации обители. Находясь в частной собственности разных владельцев, она, тем не менее, выступала как площадка активной общественной жизни, включавшей, кроме совместного богослужения, также формы коллективного ведения хозяйства и благотворительной деятельности.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках проекта №19-312-60001.

1. Смирнов П.С. История русского раскола старообрядства. Рязань: Тип. В.О.Тарасова, 1893. 275+65+IV с.
2. Керов В.В. «Се человек и дело его...»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М.: Экон-Информ, 2004. 654 с.
3. Расков Д.Е. Экономические институты старообрядчества. СПб: Издательство СПбГУ, 2012. 343 с.
4. Королькова Л.В. Старообрядцы Западного Приильменя и Верхнего Поволжья в XIX веке // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада. Четвертые Шегреновские чтения. СПб.: Издательство РЭМ, 2011. С. 260-278.
5. Пивоварова Н.В. Старообрядческие моленные и скиты Новгородской губернии в середине XIX в. по материалам РГИА // Новгородский исторический сборник. Вып. 12 (22). М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. С. 233-247.
6. РГИА. Ф. 1284. Оп. 208-1853. Д. 484.
7. РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. Д. 14.
8. РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 480в.
9. РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 480а.
10. РГИА. Ф. 1437. Оп. 1. Д. 85.
11. РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1809.
12. РГИА. Ф. 1284. Оп. 218-1873. Д. 29.
13. Никаноров И.Н. Постановление Петербургского собора 1809 года в составе сборника «Отеческие завещания» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 8: История. С. 69-81.
14. Русакомский И.К. Ансамбль за Преображенской заставой конца XVIII — начала XIX в. // Культурное наследие староверов Преображенского монастыря. Сборник материалов. М., 2019. С. 12-29.
15. Починская И.В. Об издательском репертуаре типографии Л.А.Гребнева в Старой Тушке // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 6. Екатеринбург, 2005. С. 137-172.

References

1. Smirnov P.S. Istoriya russkogo raskola staroobryadstva [The history of the Russian schism of Old Believers]. Ryazan', 1893, 275 p.
2. Kerov V.V. "Se chelovek i delo ego...": Konfessional'no-eticheskie faktory staroobryadcheskogo predprinimatel'stva v Rossii ["Behold the man and his business": confessional and ethical factors of the old-believers enterprise in Russia]. Moscow, 2004, 654 p.
3. Raskov D.E. Ekonomicheskie instituty staroobryadchestva [Economic institutes of Old Belief]. Saint Petersburg, 2012, 343 p.
4. Korolkova L.V. Staroobryadcy Zapadnogo Priil'men'ya i Verhnego Povolhov'ya v XIX veke [Old Believers of the Western Priilmenye and the Upper Volkhov Region in the 19th century]. Proc. of "Istoriko-kul'turnyy landshaft Severo-Zapada. Chetvertye Shegrenovskie chteniya". Saint Petersburg, 2011, pp. 260-278.
5. Pivovarova N.V. Staroobryadcheskie molennye i skity Novgorodskoi gubernii v seredine XIX v. po materialam RGIA [The Old Believers' preacher houses and sketes of the Novgorod province in the middle of the 19th century on the materials of RSHA]. Novgorod Historical Almanac, iss. 12(22). Moscow, 2011, pp. 233-247.
6. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RSHA)]. F. 1284. Op. 208-1853. D. 484.
7. RGIA. F. 1284 [RSHA. F. 1284]. Op. 195. D. 14.
8. RGIA. F. 1284 [RSHA. F. 1284]. Op. 208. D. 480v.
9. RGIA. F. 1284 [RSHA. F. 1284]. Op. 208. D. 480a.
10. RGIA. F. 1437 [RSHA. F. 1437]. Op. 1. D. 85.
11. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts (RSAAA)]. F. 1431. Op. 1. D. 1809.
12. RGIA. F. 1284 [RSHA. F. 1284]. Op. 218-1873. D. 29.

13. Nikanorov I.N. Postanovlenie Peterburgskogo sobora 1809 goda v sostave sbornika "Otecheskie zaveshchaniya" [Resolution of the St. Petersburg Council of 1809 as a part of the "Paternal Testaments" collection]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya, 2015, vol. 14, iss. 8: Istoriya, pp. 69-81.
14. Rusakomskiy I.K. Ansamb' za Preobrazhenskoy zastavoy konca XVIII — nachala XIX v. [Ensemble behind the Preobrazhenskaya outpost of the end of 18 — early 19th century]. Kul'turnoe nasledie staroverov Preobrazhenskogo monastyra. Sbornik materialov. Moskow, 2019, pp. 12-29.
15. Pochinskaya I.V. Ob izdatel'skom repertuare tipografii L.A.Grebneva v Staroy Tushke [About the publishing repertoire of L.A.Grebnev's printing house in Staraya Tushka]. Ural'skiy sbornik. Istoriya. Kul'tura. Religiya, iss. 6. Ekaterinburg, 2005, pp. 137-172.

Mel'nikov I.A. Borsky skete on the Volkhov river and the Preobrazhensky almshouse in Moscow in the 19th century.

The article describes the history of the foundation and existence of the Old Believer skete near the village of Bor of the Novgorod district in the 19th century. The foundation of the monastery is associated with the purposeful activities of the Moscow Preobrazhenskaya Fedoseevskaya community to spread its influence in the regions of Russia. Special attention is paid to the connections between the Borsky Skete and the Old Believers of Moscow. For the first time, documents from the Russian State Archive of Ancient Acts are used as materials on the history of the skete.

Keywords: Old Believers, sacred places, monasticism, the Novgorod province, sketes, Fedoseevtsy, Preobrazhensky almshouse.

Сведения об авторе. Илья Андреевич Мельников — кандидат культурологии; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, старший научный сотрудник лаборатории этнологии и социокультурных исследований, доцент кафедры истории России и археологии; Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, научный сотрудник; ORCID: 0000-0003-4962-0705; potep_88@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.05.2022. Принята к публикации 01.06.2022.

Ссылка на эту статью: Мельников И.А. Борский скит на реке Волхов и Преображенский богаделенный дом в Москве в XIX веке // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 4(43). С. 438-442. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.4(43).438-442

For citation: Mel'nikov I.A. Borsky skete on the Volkhov river and the Preobrazhensky almshouse in Moscow in the 19th century. *Memoirs of NovSU*, 2022, no. 4(43), pp. 438-442. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.4(43).438-442